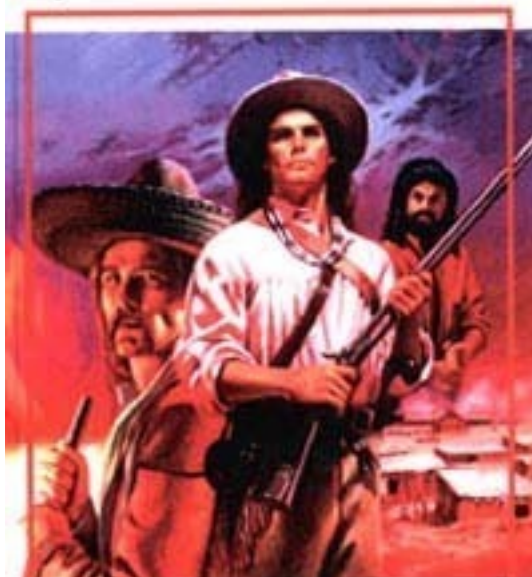

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ПОГРАНИЧНЫЕ СТРЕЛКИ

Макс Брэнд

Мчащиеся мустанги

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Мчащиеся мустанги / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

«Мчащиеся мустанги» – история превращения Тома Глостера из юного недотепы в Томазо – дьявола. Он помогает молодому Дэвиду Пэрри вернуться в родной дом, преодолевая немыслимые препятствия и обретая в конце концов любовь и счастье.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Макс Брэнд

Мчащиеся мустанги

Глава 1

Польза для дома

Том Глостер распахивал землю в пойме реки, по обоим ее берегам. Старшим братьям достались участки повыше и полегче, кроме того, они пасли стадо, гоняли скот на рынок, бывали на ярмарках и родео. А Тому только и оставалось, что потеть здесь – поднимать залежь шириной не более пары сотен ярдов, длиной почти в милю, где-то уже, где-то шире, но неизменно жирную, трудную для вспашки. Несколько лет назад здесь не было ничего, кроме зарослей кустарника, пока отца не осенило – он нашел работу для младшего сына.

Эта мысль ему пришла в голову не случайно – все остальное у Тома не получалось. Мать считала, из-за того, что у парня слишком доброе сердце, но отец называл его недотепой от рождения, с которым ничего не поделаешь. Том боялся причинить кому-нибудь боль, поэтому не желал учиться арканить скот, его трясло, когда животных клеймили раскаленным железом. Словом, он не годился для работы в седле, а потому был лишен прелестей свободной, деятельной и увлекательной жизни на пастбищах. Какой же ты мужчина, если не умеешь управляться с лассо?!

Были у Тома и другие недостатки. Например, он не любил мастерить. Просто не мог построить ограду, без того чтобы та не валилась из стороны в сторону. Не получалось и сколотить самую простую полку. Часами он глубокомысленно разглядывал вещь, которую требовалось всего-то чуть-чуть подправить.

Мать говорила, младшенький так долго раскачивается из-за того, что всегда взвешивает все за и против. А отец утверждал, что парень никак не примется за дело, поскольку не умеет думать.

Том был в семье пятым сыном и седьмым ребенком. Его рождение не вызвало большой радости. С самого начала он оказался просто лишним ртом, не более того. Только не для матери. Она была единственным близким ему человеком. Отец же был убежден, что малый не стоит даже того, чтобы его учить, и повторял: «Ученый дурак хуже безграмотного дурака».

И Том Глостер учился у матери. Она привила ему любовь к чтению, научила правильно писать. А он в свою очередь перенял ее манеру говорить – неторопливо, не повышая голоса, не употребляя бранных слов. Том вообще мало бывал среди мужчин, поэтому не перенял от них ни хорошего, ни плохого. Так в одиночестве и вырос – рослым сильным красивым парнем, правда, несколько медлительным. Остальные шестеро были в отца – смуглыми, темноволосями. Он же унаследовал от матери светлые волосы и бледную кожу.

Так и получилось, что Том оказался привязанным к этой узкой, почти не продуваемой ветром ложине, которую сфокусированные склонами солнечные лучи превращали летом с утра до вечера в раскаленное пекло. Но все здесь было делом рук его одного. Лощина даже стала предметом его гордости – ибо тут он впервые обрел смысл своего существования. Он расчистил землю по обе стороны речки, повалил два стоявших по берегам напротив друг друга больших дерева, соорудил основание моста, соединившего обе полоски земли, а теперь вот орудовал плугом. В его распоряжении были старый чалый, словно выгоревший на солнце, мул и в одной упряжке с ним крепкий бычок.

Это была довольно необычная и страшно медлительная упряжка. Лемех плуга то и дело вонзался в спутанные клубки корней – ведь вспахивать пришлось самую что ни на есть труд-

ную, нетронутую целину. Порой за целый час удавалось сделать лишь одну борозду длиной не более сотни ярдов. Плуг, дергаясь и протестующе скрипя, с трудом выдирался из корней. Время от времени ломался, и тогда Том Глостер смотрел на него, беспомощно опустив руки, потому что был не силен в ремонте таких вещей. В конце концов к нему спускался отец или кто-нибудь из братьев и, окинув его полным презрения взглядом, молча налаживал плуг. В семье на Тома уже давно махнули рукой.

Как бы то ни было, но у него были сильные руки и бесконечное терпение. Поэтому мало-помалу ему удалось проделать огромную работу. Он начинал трудиться с раннего утра и возвращался домой, когда садилось солнце. Его усталая упряжка плелась сама по себе позади. Том обладал странной властью над животными. Отец любил говорить, что малый понимает речь бессловесных тварей и потому, видите ли, не слишком охоч разговаривать с людьми! Но, поднимаясь каждый вечер в сумерках из долины, Том никогда не выглядел уставшим, а на лице его блуждала все та же, что и по утрам, слабая терпеливая улыбка. Некоторые были склонны считать ее насмешливой, но чаще даже незнакомые люди видели в ней отражение глубокого внутреннего спокойствия.

К тому времени, когда парень возвращался домой, ужин скорее всего уже заканчивался и ему мало чего оставалось, потому что, хотя мать и старалась приберечь что-нибудь для своего младшенького, остальные – здоровые, голодные, молодые – считали себя вправе смести со стола все до последней крошки. Если Том опаздывает, то наказывает сам себя. А как еще можно его научить? Правда, они были убеждены, что он никогда не научится. Слишком рассеянный, абсолютно не замечает времени. Злая на судьбу старшая сестра, которой перевалило за тридцать, а она все еще не была замужем, не раз повторяла, что Том каждый день заново узнает для себя две вещи: что солнце взошло и что солнце село. Том Глостер выслушивал подобные шутки без обиды, поэтому, если заходила речь о нем, все высказывались в его присутствии, хотя, правда, такое бывало не часто. В среде вечно занятых, без умолку болтающих членов семьи он выглядел эдаким безмолвным каменным истуканом. И когда возвращался, они, опершись локтями на стол, на котором не оставалось ни крошки даже овощей, равнодушно пожимали плечами.

Том обычно спокойно оглядывал присутствующих. Мать поднималась из-за стола поискать что-нибудь на кухне, но окрик главы семейства возвращал ее на место.

– Надо же когда-нибудь научить парня думать! А то так и останемся у него в няньках!

Тогда Том направлялся к хлебному ларцу, отыскивал там сушеные фиги, довольно жесткие, некоторые чуть подплесневевшие. Довольствовался ими, и казалось, ему все равно. Он ел что попадалось под руку, и никогда его невозмутимый взгляд не выражал разочарования или обиды.

Однако даже до самого заброшенного озера в самом глухом лесу в конце концов долетает ветер, рябит воду. Так и в тот день сверху по тихой долине прокатился зычный голос. Снимая с лемеха полпуда спутавшихся корней, Том остановился, поднял голову и увидел наверху махавшего ему старшего брата.

Парень послушно поднялся наверх. Невыпряженные мул с бычком, как две собачонки, покорно плелись за хозяином.

– Кричу тебе полчаса! – раздраженно заметил Джим. – Что у тебя, черт побери, вата в ушах?

Том никак не отреагировал. Стоял и молчал. Он всегда таким образом отвечал на упреки, и, знаете ли, это действовало, особенно на незнакомых. Ибо в наступавшей заминке спокойный веселый взгляд начинал казаться значительным. Правда, домашним эта его манера была слишком хорошо известна.

– Чего молчишь, Том? Словно язык проглотил. Я охрип, пока докричался. Сегодня у тебя есть шанс сделать кое-что для дома! – произнес торжественно Джим.

Парень одобрительно кивнул. Ему всегда очень хотелось сделать что-то для семьи, потому что родные постоянно с издевкой напоминали, какой он плохой помощник. И если эти слова не оставляли отпечатка в душе, они тем не менее западали в сознание. Потому с геркулевым терпением и отдавал все силы на расчистку речной поймы. Его усилия уже удвоили стоимость ранчо, однако никто не удосужился похвалить Тома за труд. Так что, когда он услышал о возможности как-то помочь родным, у него загорелись глаза.

– Знаешь серую кобылу Хэнка Райли?

– Не, – ответил Том.

– Не знаешь эту кобылу?

– Не.

– Убей меня, если ты вообще что-нибудь знаешь!

Том ждал. Ему нечего было сказать.

– Ладно, так или иначе, серая кобыла Райли сейчас в деревне. Он нашел парня, который купил ее, почти не глядя. Представляешь?

Лицо Тома не выражало никаких эмоций.

– Слушай, парень, – взревел разъяренный братец, – да ты ее знаешь! Это та самая кобыла, которая изуродовала плечо Пинку Лейси, а прошлой осенью искусала молодого Мильтона. Теперь вспомнил?

– Не, – повторил Том.

Джим глядел на него в полном отчаянии.

– Ладно, какая разница, – наконец пробормотал он, сдерживая рвавшиеся из горла ругательства и с горькой насмешкой глядя на брата. Что толку с того, если выпороть камень? – Тогда слушай, как было дело. Этот малый в чудной одежде является в деревню и спрашивает, нет ли у кого на продажу лошади, потому что его конь охромел. Джерри Питерс говорит ему, пусть спросит у Хэнка Райли, потому что тот продает приличную серую кобылу. Представляешь? Ну и чудак этот Питерс! Такие вот у него шуточки! Так или иначе, этот малый идет к Хэнку. Хэнк присматривается к нему и предлагает поменять кобылу на коня этого малого, потому что конь не хромой, а только немного загнан. В придачу к коню просит двести долларов. Так вот, малый, лишь взглянув на кобылу, не торгуясь, согласился. Само собой, он в жизни не видал таких лошадок. Выложил наличные, снял седло со своего коня, взял аркан и пошел к кобыле. Заарканил, даже оседлал. А потом она дала ему жизни! – Джим Глостер злорадно захохотал. – Вот бы посмотреть! – захлебываясь от смеха, воскликнул он. – Малый перелетел через забор. Поднялся, попробовал еще раз, но она приложила его так плотно, что на земле остался полный отпечаток. На этот раз он поднялся не так резво. Если бы кобылу не отогнали жердями, она бы его загрызла. Мало-помалу парня оттащили к ограде. А когда он очухался, то сказал, что ему нужен хороший объездчик лошадей. Так вот, малыш, это твой шанс! Ты ведь умеешь ладить со скотиной. Мне никогда раньше это не приходило в голову, а тут, когда узнал, что малый готов выложить сотню долларов, осенило. Именно то, что надо! Наконец-то сделаешь что-то для дома!

Глава 2

Как обращаться с лошадьми

Кобыла стояла за конюшней Райли. «Малый», облокотившись на ограду, мрачно курил сигарку за сигаркой. Лицо у него было одновременно грустное и свирепое, очень худое, над верхней губой торчали закрученные усы, а большие, навывкате глаза сверкали желтыми белками. Можно было подумать, что у него не гнется шея – с таким трудом он поворачивал голову.

Такой одежды, что оказалась на нем, Том Глостер в жизни не видал! Короткая куртка с яркими пуговицами, на талии похожий на шаль кушак, спускающийся ниже колен. И куртка и кушак – пестрые, правда, несколько грязноватые. Мрачная грязная фигура! От обитателей американского Запада этого типа отличала еще и закрепленная на правой ноге единственная шпора с большим, не меньше двух дюймов, колесиком.

Хэнк Райли, весело болтая, стоял рядом. Неподалеку, держа в поводу оседланного коня, прислонился к дереву парнишка лет одиннадцати – двенадцати.

– Никто в деревне не хочет браться за это дело, Хэнк, – начал, подходя, Джим. – Только вот Том. Он умеет ладить с лошадьми. Ты сказал, сто баксов, приятель?

– Он не говорит по-английски, – пояснил Райли.

Это не явилось препятствием, поскольку в этих краях каждый знал испанский. Даже Том Глостер мог объясниться. Он заметил, что незнакомец говорит на странном наречии, очень непохожем на обычное мексиканское.

Тут же, без лишних слов, была заключена сделка. «Малый», назвавшийся Капрой, пообещал заплатить сто долларов при условии, что объездчик лошади завершит работу к полудню следующего дня. С другой стороны, его понимание «завершить работу» было весьма широким. Он был не против, если кобыла будет взбрыкивать, лишь бы не проявляла крайне свирепого нрава и не сбрасывала с седла.

Начавший было раскаиваться Хэнк Райли сказал:

– Слушай, приятель, зачем мудрить? Вон там у тебя хороший конь. Доброй породы. Я так понимаю, на нем едет паренек. Почему бы тебе не пересесть на него, а малому достать простого мустанга. Обойдется всего в семьдесят пять – восемьдесят долларов. Деньги сэкономишь, в конце концов! Ну... а я верну тебе, что взял за кобылу!

На это Капра сухо ответил:

– Мы едем вместе, и оба скачем быстро. Нет, кобыла мне нужна.

Том Глостер принялся за дело. Райли, презрительно его оглядевшего, разбирало любопытство. Даже с Капры слетело сонное оцепенение. Из-под дерева вышел и подошел к ним поближе мальчишка. Но все они не увидели ничего потрясающего. Кобылка, пока на нее не садились, вела себя довольно смирно. Том без труда ее поймал. Пару раз провел по загону.

– Когда сядешь? – нетерпеливо поинтересовался Райли.

– Может, завтра утром... может, сегодня вечером...

– Через год и одну неделю! – проворчал Райли. – А там пусть кто угодно объезжает.

– У тебя для этого были не только год и неделя, – обрезал его Джим.

Райли что-то пробурчал про себя.

– Я забираю ее с собой, – объявил Том.

– А это еще зачем? – ничего не понимая, спросил Райли.

– Бери, бери! – поддержал парня Капра. – Мне все равно. Но к завтрашнему утру возвращайся верхом.

И Том под любопытным полунасмешливым взглядом мальчишки увел лошадь с собой. Мальчишка, одетый как и его спутник, был такой же смуглый, но в его осанке чувствовалось

какое-то скрытое достоинство и благородство. Брат проводил Тома до дому. Ему очень хотелось знать, почему Том собирается заняться кобылой подальше от посторонних глаз.

Но тот не смог сразу ответить на этот простой вопрос. Подумав, пояснил:

– Представь, у тебя очень важный и трудный разговор с... незнакомым человеком. Конечно, хотелось бы поговорить с ним наедине...

– Но ты же не умеешь разговаривать с лошадьми! – рассмеялся брат.

– Не. Но надо попробовать, – заявил Том.

На этом разговор закончился. Парень повел лошадь прямо в лощину. Для этого были две причины. Во-первых, там никто не станет на него смотреть. А во-вторых, у реки было много вспаханной земли – когда придет время объезжать норовистую лошадь, падать на нее будет не так больно.

Он медленно прошелся с ней по долине, довольно часто останавливаясь по ее желанию. Кобыла подозрительно оглядывала и обнюхивала каждую тень от комьев вспаханной земли. Вдруг шарахнулась от вспорхнувшей оляпки. Пичужка юркнула в струи крошечного водопада. Вздрагивала при виде трепещущих под ветром, оборачивающихся серебряной изнанкой листьев тополей. Том дважды обошел долину, подводя лошадь к каждому такому предмету. На втором круге она стала держаться гораздо спокойнее, хотя оставалась страшно пугливой: прядала ушами при появлении на небе нового облачка, даже принимаясь щипать траву, тут же останавливалась, как только теряла из виду Тома. Словом, держалась скорее как тигрица, нежели как лошадь.

Он пробыл с ней два часа, ни на секунду не отходя далеко, часто разговаривая тихим, спокойным голосом. Всякий раз, когда лошадь пугливо озиралась, дергалась или по телу ее пробегала дрожь, у него находились успокаивающие слова. Потом, привязав ее к дереву, Том отправился домой обедать.

– У тебя же всего один день! – забушевал отец. – Зачем теряешь время? Можно бы в кои-то веки и не поесть.

– Бывает, что и не забывает, – поддела парня старшая сестра.

– Почему-то не забывает как раз тогда, когда пахнет сотней долларов! – продолжал возмущаться глава семейства. – Может, это единственный такой день в его жизни.

Том ничего не ответил. Было обидно, но он не умел защитить себя. Но даже молчание оборачивалось против него.

– Ишь, напустил на себя важность! – добавил один из братьев. – Скоро потребует плату за милость поговорить с ним! Да не будь же таким ослом, Том!

– Почему я осел? – спросил Том.

– Потому что получил первую приличную работу и зря теряешь время!

Том положил вилку и нож. Он прекрасно знал, почему оставил кобылу одну. Не ради какого-то обеда.

– В долине пустынно, никого там нет, – заговорил наконец. – Речка шумит, как сильный ветер. Да несколько птишек. Целый день, кроме воды, никакого глума. Под деревьями тень.

– Ну и умник! – встряла сестра. – Поняли что-нибудь, а?

Все покачали головами, кроме матери; но даже она испуганно и озадаченно поглядела на сына.

– Что ты хочешь сказать, Том? – поинтересовалась тихо.

– Сам не знает! – буркнул отец. – Надо думать, а он не умеет. И это, должно быть, вычитал из книжки!

– В долине пустынно, – продолжил между тем Том. – Кобыле одиноко. Может, обрадуется, когда я вернусь.

– Обрадуется твоей компании?

– Она всегда была в компании, – пояснил парень.

– Откуда ты это взял?
– Она не любит людей, ненавидит их, но не боится.
– Что ты хочешь этим сказать?
– Ну... – замолчал он, раздумывая.
– Еще не придумал, – засмеялся сидевший рядом братец.
– Да оставьте его в покое! – возмущенно воскликнула мать.
– Он объяснит... он всегда может объяснить, если немножко потерпите!
– У человека всего одна жизнь, – произнес отец. – А чтобы дожидаться, что скажет Том, и успеть сделать что-нибудь еще, понадобятся две.

Парень чуть покраснел от напряжения, пытаясь собрать ускользающие мысли и одновременно разобраться в разгоревшемся вокруг него споре.

Наконец вымолвил:

– Знаете... дикие твари боятся человека. Они видят его только издалека. А когда узнают нас ближе, должно быть, начинают ненавидеть.

– Ну и дурацкая мысль! – отозвался один из братьев. – Как у тебя и все остальное! Ну скажи, зачем лошади ненавидеть человека?

Том в замешательстве поглядел на брата.

– Дайте ему подумать, – издевательски бросил отец. – Погодите немножко, придумает ответ и на это.

– Зачем? Скажу сразу, – возразил Том. – Думаю, лошади ненавидят нас за шпоры. А потом... мы же им ничего не даем, кроме сена и овса, чтобы работали.

– А чего же им еще надо? Что еще им можно дать? – усмехнулся Джим.

– Пять долларов в день! – сострил другой брат.

Все сидящие за столом, переглядываясь, расхохотались.

– Им нужно доброе обращение! – убежденно заявил Том.

– Ты осел, – заключила обычно не замечавшая его младшая сестра.

– Доброе обращение? – переспросил отец.

– Серый Барни последний месяц таскает плуг только благодаря доброте, – сообщил Том.

– Старый мул? Да он здоров как всегда!

– Не знаю, протянет ли он еще недели три, – признался Том Глостер.

– А ну-ка, хватит! – запротестовал Джим. – Не хватало еще всякой чертовщины про будущее!

– Я не предсказываю будущее, – ответил Том, – сужу по тому, что вижу сегодня.

– Хватит, нагляделся! Ступай к кобыле!

Том ушел и, спустившись в долину, был вознагражден. Кобылка больше не прядала настороженно ушами, а при виде его радостно их наострила.

Глава 3

А это не для дома

Родные хотели, чтобы Том занимался с кобылой всю ночь.

– Надо ее хорошенько измотать. Самое верное средство, – говорили ему.

– Какой с этого толк? – возражал Том. – Как только отдохнет, снова станет сбрасывать с седла, разве не так?

– А тебе-то что? – сжимая кулачки, набросилась на него младшая из сестер. – Ты же свою сотню долларов уже получишь!

Чтобы не слушать этих разговоров, Том действительно ушел на всю ночь, но с лошадьёю не работал. Просто оставался с нею в сырой промозглой низине. Соорудил из зеленых сучьев постель и, расположившись на ней, урывками дремал. Один раз ему показалось, что к нему подкрался волк, но, открыв глаза, увидел перед собой лошадиную морду. Снова проснулся, когда серая улеглась рядом с ним. Он протянул руку и в свете звезд увидел, как кобыла, наклонив изящную голову, по-собачьи ее обнюхала. Очень довольный, Том уснул крепким сном и проспал до рассвета.

Проснулся окоченевшим, разбитым, с тяжелой головой, но, умывшись ледяной водой из реки, несколько взбодрился. Подвел напиться и кобылу. Затем пучком сухой травы насухо вытер ее от росы. Все это время Том не пытался оседлать лошадь, самое большее – стоял рядом, держась рукой за спину. Только теперь положил на нее седло, не сильно затянув подпруги, потому что по утрам эти животные очень не любят, если их туго утягивают. Потом сел в седло. Ни плетки, ни шпор у него не было. Свободно отпустил поводья. Кобыла повернула голову, обнюхала колено парня, покосилась на него блестящим глазом. Затем, грызя удила и встряхивая головой, двинулась вперед. Начни ее придерживать или понукать – взвилась бы тигрицей, безудержно, яростно, ибо самые кроткие, самые чуткие натуры борются за свою душу отчаяннее всего.

Том, однако, не докучал ей. Пустил свободно разгуливать из конца в конец ложбины. Хотела остановиться – останавливалась; хотела пуститься рысью – бежала рысью; хотела перейти на шаг – переходила на шаг. Но помаленьку брал бразды в свои руки. Сначала, когда он натягивал поводья, серая нетерпеливо сучила ногами, но вскоре начала понимать. Приучить лошадь слушаться узды – дело несложное, и уже через полчаса кобылка все понимала. Потом, лишь тихо всхрапнув, позволила натянуть удила потуже. Когда Том подъехал к дому, солнце едва взошло.

Поглазеть на них высыпало все семейство. Парень мало что от них услышал, но смотрели они на него со скрытым уважением. Один из братьев потом объяснял:

– Знаете, почему у него получается? Потому что он сам словно животное!

– Верно, недалеко от них ушел. Потому и понимает!

Все были очень рады сотне долларов, и у каждого появились виды на эти деньги, то есть у каждого, кроме Тома и матери. Правда, его плотно покормили завтраком, а отец, довольный, что сын сумел объездить лошадь, заявил, что тот до конца дня свободен от работы. Затем он вместе с Томом отправился в деревню, где они нашли того чужака, Капру.

Хозе Капра смотрел на серую сияющими от радости глазами. Подошел поглядеть, что получилось, и Хэнк Райли. Вообще-то на площади перед отелем собралось с полсотни человек.

Том Глостер коротко предупредил:

– Ни шпор, ни плетки!

Пристально посмотрев на парня, будто услышав что-то давно забытое, Капра кивнул. Затем проехал на кобылке из конца в конец улицы. Дважды, когда слишком сильно натянутые

удила рвали чувствительный рот, она вставала как вкопанная, готовая причинить неприятности седоку, но Капра в конце концов понял ее нрав, и она пошла свободным размашистым шагом, какого не получишь никакой дрессировкой.

– А ты, видно, здорово продешевил, – сказал кто-то Хэнку Райли.

Тот, побледнев от злости, поглядел в сторону Тома Глостера:

– Родословная этой кобылы уходит ко временам Мафусаила. Да, я потерял на ней не менее двух тысяч, и только из-за того, что этот малый не захотел предложить свои услуги мне, а предпочел работать на чужака!

Том слышал его слова, но промолчал. За свою жизнь он наслушался столько неприятного в свой адрес, что давно научился не обращать на это внимания. Однако его старший братец не мог такого стерпеть. Все Глостеры, кроме Тома, были большими забияками. Джим немедленно высказался:

– Хотел надуть несчастного чужака, выудить у него и коня и монету, а надул самого себя. Так тебе и надо, Райли!

Не видя кругом себя дружественных лиц, Хэнк Райли повернулся и понуро побрел по улице. Капра, не слезая с седла, передал Тому Глостеру причитающиеся деньги. Мальчишка оказался рядом со своим спутником.

– А что достанется тебе, амиго? – заметив, как отец тут же выхватил из рук парня деньги, спросил Капра.

– Мне? – переспросил Том. – Конечно же удовольствие от работы с лошадкой.

Скептически хмыкнув, Капра вдруг задал вопрос:

– Можешь сегодня еще поработать?

Том посмотрел на отца.

– Чего еще не хватает? – насторожился тот. – Разве кобыла не обьезжена?

Чужестранец спокойно поглядел на него:

– Я предлагаю другую работу. Плачу пять долларов.

– Можешь брать! – позволил отец. – Ступай с ним и делай, что попросит... не знаю, что там!

Том Глостер двинулся по улице, сопровождаемый едущими по бокам Капррой и не раскрывающим рта мальчишкой. До ушей Капры донеслось:

– Дай старому Глостеру еще пяток баксов, он шкуру с парня продаст!

Капра посмотрел на спокойное улыбающееся лицо Тома. Переглянулся с мальчишкой. Тот презрительно стрельнул глазами в сторону шагнувшего между ними парня. Они свернули прямо в глубь длиннохвойного соснового леса. Когда-то здесь стоял еловый лес, пока по нему не прошелся огонь, оставив на месте пышной красоты черные скелеты. Среди уродливых стволов постепенно выросли длиннохвойные сосны – резерв и авангард леса, заполняющий бреши в его рядах и прокладывающий путь другим породам. Капра двинулся по мрачным зарослям, пока не выбрался на маленькую глухую поляну. Когда-то здесь стояла охотничья избушка – были все еще видны оставшиеся от фундамента и очага камни. Здесь Капра остановился.

– Стрелять умеешь? – поинтересовался у Тома.

– Стреляю немного.

Капра достал из висевшего у колена седельного чехла длинноствольную винтовку, непохожую на винчестер. Том Глостер открыл затвор, спокойно осмотрел оружие:

– Из этой смогу.

– Вон там, на верхушке, ворона, – показал Капра.

Поняв, чего от него хотят, Том посмотрел на птицу. Далековато. Уверенно поднял винтовку и выстрелил. Тяжело захлопав крыльями, птица с карканьем взлетела с дерева, но пара черных с прозеленью перышек, кружась, спустилась на землю.

– Когда он стрелял, ветром качнуло ветку, – заметил мальчуган.

– Люди крупнее ворон, – зевая, заметил Капра. – Так вот что, молодой человек. Я завернусь в одеяло и улягусь вон под тем деревом. Я по-настоящему не спал... наверно, год. Сегодня буду спать. А ты меня покарауль! – В его глазах стояла мучительная усталость.

– Покараулю, – заверил Том Глостер.

– Шевельнется лист, мелькнет тень, хрустнет ветка – сразу буди!

– Хорошо.

Завернувшись в одеяло, Капра улегся под деревом и мгновенно уснул. С каждым выдохом из его груди вырывался стон, будто от тела отлетала душа.

Мальчишка улегся под тем же деревом. На мгновение присел, внимательно глядя на Глостера, потом, распластавшись на земле, тоже моментально уснул.

Тому было очень странно наблюдать за ними, но теперь он понимал, почему у них такой измученный вид. Это была смертельная усталость, неодолимое желание спать.

Час тянулся за часом, тени от деревьев передвигались, спящие не шевелились, а Том сидел как изваяние. Находясь на посту, он словно читал раскрытую книгу. Отметил на молодой сосенке шрам от молнии, наблюдал, как ловко перелетают с дерева на дерево две белочки, одна из них свалилась вниз, но уцелела, распушив хвост, следил за распластавшейся на буром камне коричневой ящеркой, которая медленно, как часовая стрелка, передвигалась вслед за солнцем, слушал щебетание птиц, то слабое, отдаленное, то громкое, над самой головой. Но его ухо не уловило ни звука, который бы свидетельствовал о присутствии человека.

Понемногу сгущались сумерки, в лесу стало прохладнее. Зевнув, сел Капра. Тут же поднялся мальчишка. Затуманенными от сна глазами оба посмотрели на Глостера. Затем, не мешкая, поднялись на ноги и вскочили на коней. Глостер поймал в ладонь пятидолларовый золотой. Никогда еще он не держал в руках таких денег.

– Это тебе, а не твоим домашним, – уточнил Капра. Сверкнув глазами, мальчишка безжалостно добавил:

– Все равно не сохранишь! Отнимут! – и рассмеялся со злой издевкой в голосе.

– Ты подарил мне добрую лошадь, подарил хороший сон, – сказал Капра. – Да вознаградит тебя за это судьба!

И всадники скрылись в лесу.

Глава 4

Золотой

Торжественность, с какой были сказаны последние слова, запала в душу Глостера. Словно бы среди праздного разговора один из собеседников вдруг самым серьезным образом излил свою душу. Будто в глухом молчании леса прозвучали церковные колокола.

В голове Тома один за другим возникали важные вопросы. Кто эти двое? Из каких они стран? В какие края направляются? Глостеру казалось, что незнакомцы прибыли с другой планеты, и он никак не мог представить, куда теперь держат путь. Солнце садилось. Он не спеша побрел домой. По пути повстречал скачущего на мустанге в город старшего брата. Увидев Тома, тот осадил коня и крикнул:

- Выполнил работу?
- Да.
- Получил пять долларов?
- Да. Вот они.
- Давай-ка сюда! В городе сгодятся!

Том протянул было руку, но тут вспомнил последние слова мальчишки и положил блестящую золотую монетку обратно в карман.

- Пожалуй, оставлю себе.
- Вот это нахал! – воскликнул Джим. – Давай сюда, а то схлопочешь плетки!

Он направил коня на Тома, но тот, схватив его за уздечку, шагнул ближе и взял брата за колено. Во всей округе не было парня здоровее и задиристее Джима, но у Тома не выходили из головы слова мальчишки. Потому он с хладнокровным любопытством посмотрел брату в глаза:

- Зачем они тебе?
- Как зачем? Ну и осел! Кто о тебе заботится? Кто тебя бережет? Кто за тебя думает? Кто, кроме меня и остальных? И это благодарность за все?! Как видно, в твоей жалкой душонке нет ни капли благородства.

- Выходит, ты меня ненавидишь? – удивился Том.
- Не хватало еще ненавидеть такую букашку! Отпусти уздечку, живо!

Он дернул за узду. Это было равносильно тому, чтобы оторвать от земли железный столб, потому что Том мертвой хваткой держал кожаные поводья.

- Эти деньги заработал не ты, – произнес твердо.
- Пропади ты пропадом со своими рассуждениями! – крикнул Джим.

Том отпустил руку, и брат, пришпорив коня и изрыгая проклятия, поскакал прочь. Этот верзила и грубиян вдруг показался Тому не таким уж грозным. Чем-то вроде птички, выпущенной из его, Тома, ладоней.

Эта мысль позабавила парня и заставила задуматься. Поглощенный ею, он долго стоял на месте, ничего не замечая вокруг. Позднее в памяти остался только терпкий запах вики с ближайшего поля.

Когда Глостер-младший дошел до дому, ему показалось, что он видит его впервые. Точнее, видел, конечно, раньше, но как бы во сне, а теперь даже в сумерках картина стала реальной. Домишко был так мал, что казалось непонятным, как в нем помещаются девять человек. Раньше он никогда об этом не задумывался. По одну сторону от дома раскинулся огород, оттуда шел запах поздней капусты; по другую был клочок земли под люцерной, орошаемый с помощью скрипучего ветряка. Перед воротами стоял высокий вяз, слева от него – смоковница. Смоковница с вязом образовали на фоне неба высокую зеленую арку. Том впервые оценил их размеры.

Обойдя вокруг строения, он прошел на задворки, где высилась огромная – выше дома, выше сараев, выше деревьев – куча хвороста и корней, которые он натаскал из долины.

С погруженного в темноту заднего крыльца раздался резкий голос:

– Опять опоздал к ужину. Получил пять долларов?

– Да.

– Надо было взять с него шесть – работал допоздна.

– Не допоздна, шел домой не спеша.

– Что так?

– Думал.

– Значит, бездельничал. Давай деньги!

– По дороге встретился Джим. Хотел их взять.

– Проклятие! И что, отдал ему? По какому праву?

– Я не отдал, – признался Том.

– Не отдал? Тогда чего болтаешь? Что он сказал?

– Вырвался из моих рук.

– Что ты хочешь сказать? Как это – вырвался из твоих рук?

– Как отпущенная птица.

– Ну на тебя сегодня нашло, как еще никогда! Давай гони денежки!

– Ты только что сказал, что у Джима на эти деньги нет никаких прав.

– Ну и что?

– А какое у тебя право?

Молчание, тяжелое дыхание; грязное ругательство.

– Значит, на меня идешь, молокосос...

Спрыгнув с крыльца, отец подошел к Тому. Он был ростом выше сына. Могучая фигура, отцовский авторитет, годы – все было за него. Глава семьи опустил руку на плечо Тома, парень напряг мышцы, и отцовская рука вяло скользнула с плеча.

– Черт побери, – пробормотал мистер Глостер, – кого ты наслушался? Кто вбил такое в твою пустую башку?

– Смоковница.

– Что?

– Еще вяз.

– Такой чепухи я от тебя еще не слышал!

– Если посмотришь на эту кучу... – начал Том.

– Будет чем заняться зимой. Порубишь на дрова. По крайней мере, будет нам какая-то помощь.

– Ага, – согласился Том.

Он принялся с любопытством разглядывать кучу хвороста и корней, которая была выше любого стога сена, вспоминая, что каждая ветка была вырвана из земли его руками, каждый корень вырублен глубоко из-под земли его топором. Некоторые корни были легкими, выдергивались будто свекла или морковь. Но другие походили на скрученные сыромятные ремни. За год, состоящий из многих месяцев, за месяцы, состоящие из многих дней, за дни, состоящие из многих часов, лившихся как дождь с небес, он проделал эту работу, и теперь ее плоды высились до самого неба, выше дома, выше деревьев.

– Когда ты посадил смоковницу и вяз? – спросил Том отца.

– К черту деревья! Давай пять долларов!

– Лет тридцать назад или больше? – предположил сын.

– Много больше. Ты что, против отца идешь, Том Глостер? Не отдаешь мне, что должен за те годы, которые я тебя растил?

– Бери. Отдаю, – буркнул парень.

- Что отдаешь?
- Вот этот хворост.
- Ты отдаешь его мне? Спрашивается, на чьей земле это выросло? А выходит, отдаешь мне?
- Я натаскал тебе хвороста и расчистил землю от кустов.
- Это-то болото! И еще ставишь себе в заслугу, так, что ли? Коль не знаешь никакой другой мужской работы...
- Посмотри! – сказал парень.
- На что смотреть?
- Видишь эту кучу хвороста? Видишь, она выше дома, выше сарая, выше вяза и смоковницы, которые росли больше тридцати лет?!
- Что за глупости ты мелешь?
- Разве это глупости?
- А разве нет?
- Том Глостер вздохнул.
- В моих словах что-то есть, – терпеливо продолжал он. – Это пришло мне в голову, когда я недавно стоял перед домом. Зачем тебе деньги, которые заработал я?
- Спрашиваю: ты мне сын?
- Да.
- Кто тебя кормит и одевает?
- Ты.
- Тогда почему я не имею права на твои деньги?
- Джим тебе сын?
- Да.
- Разве его ты не кормишь и не одеваешь?
- Он одевается сам. К тому же он мужчина, а не какой-то недоумок...
- Значит, я недоумок? – задумчиво произнес Том.
- Сам довел меня своими дурацкими разговорами!
- Том шагнул мимо него. Зашел на кухню, где мать, склонившись над тазом, заканчивала мыть посуду. Вода в тазу была грязной и жирной, покрасневшие руки тоже были грязными.
- Вода кончилась, – заметил Том.
- Да вот некогда было сходить на колодец принести ведро, а тебя не было дома, – улыбнувшись через плечо, ответила она. – Слыхала, как ты хорошо объездил кобылку, сынок. Это большое дело. Все теперь станут о тебе говорить. Что такое?
- Последние слова она произнесла, изумленно повернувшись к Тому. Перед его глазами мелькнул залитый водой ветхий домотканый фартук.
- На, – сказал он. И положил ей на ладонь новенькую блестящую золотую монетку.
- Мать, не двигаясь, смотрела на золотой. Потом промолвила:
- Ты хочешь сказать, это мне?
- Да, тебе.
- Золотой! – воскликнула мать и замолчала.
- Он понял почему – у нее дрожали губы, по щекам ручьем лились слезы.

Глава 5

Серая вернулась

Потом Том сидел в темноте на заднем крыльце и размышлял. До него начинало доходить, что живет он в нищете и лишениях, а обиды, которые достаются на долю матери и его самого, ничем не заслужены. И все это, как ему казалось, он прочитал в глазах сопровождавшего Капру мальчишки.

Когда же вернулся на кухню, мать как раз заканчивала подметать пол. Собрав сор в ведро, она медленно разогнулась.

– Давай-ка выйдем, – предложил Том.

Мать высыпала мусор в печь, прикрыла дверцу и вышла следом за сыном на крыльцо. Том направился по дощатой дорожке к ветряку. Они встали под его крыльями, слушая тихое лязганье штока поршня и рокот быстро вращающегося водяного колеса, – дул довольно свежий ветерок. С колеса падали крупные капли воды.

– Здесь удобнее поговорить, – объяснил он.

– Холодновато, – заметила мать. – Смотри не простудись до смерти, сынок, – тут свежо и сыро.

– Мне надо кое о чем тебя спросить.

– Мальчик мой, – воскликнула мать, – скажи, что с тобой стряслось – зачем ты отдал деньги мне? И не захотел дать кому полагается – Джиму, старшему брату... даже собственному отцу!

В ее голосе звучали отчаяние и страх; страх перед неизвестностью – самый ужасный страх.

– Тебе за меня стыдно, мама?

– Нет, нет! Я никогда за тебя не стыдилась! Несмотря ни...

– Погляди!

– Да, Томми? Что там?

– Погляди на эту кучу хвороста.

– Ну?

– Кто ее натаскал?

– Да ты, кто же еще?

– Верно, я расчищал низину и таскал хворост сюда. Надолго хватит топить?

– Что ты, сынок, да в нашей печке ни в жизнь не сжечь! Слава Богу, большую часть можно продать. Отец обещает купить мне из выручки пару сковородок... когда перерубишь это на дрова. Наверно, до зимы не успеешь?

– Можешь купить сковородки на эти пять долларов.

– Томми! Неужели ты думаешь, что я смогу потратить эти деньги на себя? Твоему брату Гарри позарез нужны новые башмаки. Он уже почти скопил денег, не хватает совсем немножко.

– И ты отдашь ему?

– Почему бы и не отдать?

– Потому что я не хочу.

– Томми, не знаю, что на тебя нашло, все эти разговоры о куче хвороста и остальное. Ты же знаешь, у отца и братьев есть на это право.

– Почему?

– Разве они не заботятся о тебе?

– Ни все они, вместе взятые, ни земля, из которой растут деревья, не соорудили ничего такого, что бы было выше этой кучи хвороста.

– Боже милостивый! Так вот что ты хочешь сказать! Вот что, оказывается, у тебя в голове! Томми, глупый, неужели не видишь разницы между кучей хвороста и... и, скажем, этим домом?

– Все до единой хворостинки я выдергивал из земли, вырубал с корнем. Тащил в гору и складывал здесь. Мать, сколько труда стоило построить этот маленький домишко?

– Говоришь, маленький? Верно, не очень большой. Не знаю. У меня голова идет кругом, Томми! Плохо сегодня соображаю. Но чувствую, ты ужасно не прав! Томми, дорогой, я страшно боюсь, не говори так больше!

– Мне надо сказать, – настаивал Том. – Я не боюсь и должен сказать. И только ты меня поймешь.

Схватив его за руку, она зажала ее в своих дрожащих ладонях:

– Ты не скажешь ничего дурного и необдуманного, Томми? Ты же никогда так не говорил.

– Мать, что, по-твоему, делает человека мужчиной?

– Конечно же работа, Томми!

– Нет, не только. Возьми серую кобылку. Хэнк Райли ее объезжал. Тот приезжий, Капра, тоже. И их труды оказались напрасными.

– Но ведь ты ее укротил, поработал плеткой!

– Я ее не трогал. Разве битьем чего-нибудь добьешься? Не знаю. Во всяком случае, я не представляю.

– Тогда к чему ты клонишь? Как же иначе можно чего-нибудь добиться в жизни, Томми?

– Я не счастлив ни с кем, кроме тебя, мама.

– Дорогой мой! К чему ты клонишь, сынок?

– Видишь ли, я люблю тебя и этим счастлив. А другие тебя любят?

– Кто другие?

– Отец, мои братья, сестры.

– Томми! – Задохнувшись от изумления, она прильнула к нему. – Проводи-ка меня домой. Я себя неважно чувствую, голова что-то закружилась.

– Плевать им на тебя.

– Это мужу-то? Моим малышам? Что на тебя сегодня нашло, Том? Зачем меня мучишь, разрываешь мне сердце?

– Видела серую кобылку?

– Ту, что продал Райли?

– Ту самую.

– Как раз думаю, что с тобой стряслось, после того как ты с ней поработал. Что у тебя на уме, парень?

– Я видел фотографию ее матери. Серая похожа на нее. Думаю, ничто ниоткуда не берется.

– Пытаюсь понять тебя, Том. Ей-богу, никак не разберусь!

– Скажем, другие ну хоть капельку похожи на тебя?

Мать, тяжело дыша, молчала, руки ее тряслись еще больше.

– Если они тебя любят, то я не знаю, что это за любовь. Никогда не помогут, разве что на Рождество.

– Им приходится самим себя обшивать... девочкам, бедняжкам, надо же проводить время с молодежью. Как же девушкам без этого, Том? Станешь постарше – поймешь!

– Да они же над тобой смеются! И надо мной. Что мы для них? Просто рабы. Мы работаем. А они забирают денежки!

– Кто сказал тебе такое?

– Мальчишка в лесу, – не думая, ответил Том.

– Какой мальчишка?

– Просто так не объяснишь. У меня в голове ужасная каша: мальчишка, который надо мной смеялся; серая кобыла, которая не брыкается, если ее не мучить шпорами; Джим, который меня по-всякому поносит; а еще запах вики, куча хвороста, ты моешь посуду на кухне. Видишь, как трудно во всем этом разобраться, не то что объяснить!

Она перестала дрожать. Прислонилась к большой деревянной подпорке ветряка.

– Вот таким путем ты и додумался до всего этого, Томми?

– Ну, может быть, все это ничего не значит. Просто надо было выговориться.

– Сколько тебе лет, Томми?

– Ты же знаешь. Двадцать один.

– О, совсем молодой! Ужасно молодой, суший ребенок!

– Думаю, так и есть.

– Думаешь? Ах, Томми, ты очень молод для того, что тебя ожидает.

– А что, мама?

– Как жить на чужбине. – А поскольку Том промолчал, спросила: – Теперь ты здесь не останешься?

– Я не думал уходить.

– Конечно, не думал, но не останешься же теперь, когда понял, что отец, братья, сестры тебя не любят.

– Да я совсем не о себе думал. Думал больше о тебе, мама.

– Что они меня не любят?

– Теперь вижу, говорить так жестоко. Но у меня до того накопело...

– Понимаю. Не удержался, захотелось выговориться. Скажу тебе еще одну вещь. Вообще-то правду стоит говорить.

– Так ты согласна, что это правда?

– Разве я все эти годы не молила, чтобы ты не узнал, по крайней мере пока не подрастешь?

Пошли!

Не оправившись от потрясения, Том побрел следом за матерью. От такого открытия он не расстроился, скорее приободрился. Уж слишком неожиданным было убедиться в своей правоте.

Мать непривычно торопливо зашагала к заднему крыльцу, он еле поспевал за ней.

На крыльце теплился красный огонек. Огонек вдруг вспыхнул, высветив угрюмое лицо мистера Глостера с трубкой в зубах.

Она остановилась перед мужем со словами:

– Знаешь что?

– Ну? – пробурчал он.

– Похоже, мы потеряли парня.

– Какого парня?

– Тома.

– Не Том ли торчит рядом с тобой?

– Он.

– Что ему еще надо? Не хватает хорошей взбучки? Черт возьми, я доставлю ему такое удовольствие, пусть он и вымахал здоровее меня!

– Он хочет уйти от нас.

В ответ раздалось удивленное восклицание, затем дикий рев:

– Бросить нас? Бросить нас! Не закончив расчищать пойму?

Тут они услышали раздавшееся у ворот корраля громкое ржание, чье-то удивленное восклицание, затем голос бегущей к дому старшей сестры Тома:

– Папа! Том! Серая кобыла вернулась под пустым седлом, ломится в ворота корраля!

Глава 6

Дэвид Пэрри-младший

Все поспешили туда. Джим Глостер уже открывал ворота, чтобы впустить кобылу, но та, всхрапывая, убежала через дорогу.

– Взбесилась, – заключил Джим. – Попробуй-ка ты, Том!

Том, не переставая произносить успокаивающие слова, тихо подошел к лошади. Та, обнюхав его и несколько раз фыркнув, позволила ему сесть в седло. Из седельных сумок торчали два кольца, но длинноствольная винтовка, висевшая раньше в чехле с правой стороны, отсутствовала.

– Сбросила его. Я так и думал, – произнес отец.

– Если сбросила одного, сбросит и другого? – спросил, размышляя, Том.

– Смотрите-ка, Том снова думает! – съязвила старшая сестра. Но, чиркнув спичкой, подошла поближе к лошади и указала на поблескивающую серебром луку богато украшенного седла. – Эй! – крикнула она. – Взгляните сюда! – И показала на ярко-красное пятно, расплывшееся по холке и серебристой гриве лошади, блестящее даже в свете спички, еще не высохшее. – Чужеземцу досталось, – без особых эмоций заключила девица. – Кто-то попал в сердце. Глядите, как хлынуло из раны, прежде чем он выскочил из стремян!

Спичка в ее руке погасла, и оживленное безжалостным любопытством лицо старшей сестры растворилось в ночной темноте.

– Слезай с лошади, води ее в конюшню! – приказал отец. – Будет у меня, пока не объявится хозяин. Но, думаю, это вряд ли произойдет.

Том поудобнее устроился в седле, подобрал поводья. Кобылка вскинула изящную головку.

– Давай! – скомандовал отец. – Билли, открой пошире ворота. Похоже, что с Томом мне наконец немножко повезло!

Но Том, подав лошадь вперед, наклонился к матери:

– Я уезжаю, прямо сейчас.

– Похоже на судьбу... она вернулась за тобой, – согласилась мать. – Ой, Том, увидимся ли снова?

– Я вернусь, – заверил он, – когда у меня что-нибудь будет для тебя. Вернусь, когда смогу забрать тебя в свой дом.

– Тише, тише, – дрожа от страха, попросила она. – И возьми эти деньги, Том. Мне они не нужны. А теперь скорее уезжай!

Он отмахнулся от золотого, но наклонился и поцеловал мать. Затем, выбираясь из маленькой толпы, подал лошадь назад.

– О чем вы там перешептывались? – спросил отец.

– Прощался с матерью, – ответил Том. – Прощайте и все остальные!

Все с криком бросились к нему.

– Эта кобыла стоит две с половиной тысячи долларов. Хэнк Райли говорил! Том! Тебя за нее посадят! Слышишь, Том, стой, говорю!

Других слов Том на прощанье не услышал. Если и щемило сердце, то лишь о покидаемой матери. Она одна будет жалеть о чем-то большем, нежели о деньгах в облике кобылы. Он отпустил поводья, и лошадь пошла размашистым аллюром, оставляя позади огоньки родного дома.

Том Глостер скакал по дороге, пока вдруг между деревьями не замелькали огни городка. Тут он вспомнил, что в городе ему нет места. Ни работы, ни дома, ни гроша в кармане. Тогда он еще больше отпустил поводья, и кобыла сама свернула на уходившую влево и ведущую

через лес тропу. Мимо, как и невеселые мысли о будущем в голове Тома, проплывали темные силуэты деревьев.

Дважды парень останавливал серую, искушаемый желанием вернуться домой к ожидавшим его насмешкам. Жалкий домишко, где он не видел ничего, кроме тяжелого труда да насмешек, теперь казался ему уютным пристанищем. Думалось, что в мире нет ничего прекраснее, чем вырисовывающиеся на фоне неба знакомые очертания крыши с трубой или высокого темного купола вяза. И пойма, где Том вложил столько труда, и таскавшие плуг старый мул и терпеливый, выносливый бычок тоже вроде глядели ему вслед, ожидая, когда он вернется. Кто же теперь закончит его работу? Наверное, никто, и все останется как есть, как открытый всем дождям недостроенный дом без крыши.

Однако стыд и обида были сильнее этих кратковременных искушений, и он продолжал путь, отдавшись на волю лошади. Та несла его, словно уже здесь бывала, не задерживаясь на развилках, уверенно выбирая тропу. Может, это какой-нибудь кружной путь к конюшне Хэнка Райли? Том Глостер над этим не задумывался – в голове и без того была полная неразбериха.

Сквозь деревья, постепенно светлея, стал просвечивать золотистый туман. Затем, в слепящей прогалине, Том увидел низко висевшую на востоке полную луну. Казалось, продираясь сквозь верхушки деревьев, она стремительно мчится к земле. Глядя на нее, парень печально вздохнул – как равнодушна и как далека она от человека и его невзгод!

Лес редел, только в болотистых низинах оставались густые островки ивы. Залитый лунным светом, он походил на этюд художника, пораженного контрастом глубоких теней и ярких серебристых красок. Тропа перешла в слегка извилистую дорогу, поднимающуюся к видневшемуся в паре сотен ярдов мосту. Серую остановили неожиданно раздавшиеся оглушительные выстрелы. Затем донеслись громкие крики. На мосту появился всадник, коротко простучали конские копыта.

Кобыла шарахнулась в кустарник. Том Глостер понял, что всадник уходит от погони, ибо вскоре по мосту прогрехотали копыта мчавшихся следом еще трех коней. Преследователи, стреляя на ходу, неслись во всю мочь. Беглец казался слишком ничтожным для такого яростного преследования. Судя по силуэту – мальчишка или женщина. Когда всадник приблизился, Том в щедром свете луны разглядел маленького спутника Капры.

Глостер испуганно вздрогнул, и тут же им овладела злость – ибо не требовалось большого ума, чтобы связать воедино страх, заставивший Капру искать охрану на время сна, красное пятно на примчавшейся под пустым седлом лошади и эту погоню за мальчиком. За странной парой охотились по крайней мере эти трое, и когда мальчик, ловко, словно жокей, сидя в седле, промчался мимо, Том достал револьвер и выстрелил в направлении троих преследователей. Промаяхнуться было просто невозможно. Средняя лошадь, всхрапнув, рухнула на землю, седок пролетел далеко вперед. Оставшиеся двое, осадив коней, скрылись в зарослях, а Глостер, удивляясь, зачем он, рискуя собственной шкурой, влез в это дело, выехал на дорогу и поскакал вдогонку за мальчишкой.

На следующем повороте, глянув влево, он различил сквозь редкие деревья мелькающую вдаль фигуру. Звуков погони позади не было слышно, и Том, продравшись сквозь заросли на опушку, отчетливо увидел скачущего вдаль наездника.

Судя по посадке и росту, это был мальчишка. Том отпустил поводья, и кобылка стремительно рванула вперед. Гонка была что надо, но в отношении победителя сомнений не оставалось – кобылка быстро нагоняла соперника. На вершине холма беглец вдруг остановился и развернул скакуна. Серая без команды встала рядом.

Мальчишка заговорил на безупречном английском языке:

– Я догадывался, что серая, возможно, доставит именно тебя!

Молодого Глостера удивили в сказанном три вещи. Во-первых, язык; во-вторых, спокойный голос; в-третьих, утверждение, что не сам он прискакал, а его доставила кобыла.

– Позади пара парней, – напомнил Том, – которые, весьма вероятно, сегодня снова попытаются тебя достать. Куда собираешься ехать и что у них против тебя?

– Во мне течет кровь моего отца, – все так же спокойно ответил мальчуган. – Одного уложил?

– Подстрелил одного коня, а всадник крепко приложился.

– Надеюсь, сломал себе шею, – заметил малыш, – хотя бы этим частично заплатит за Капру.

– Капра пострадал?

– Нет, не пострадал, – ответил мальчик. – Более того, теперь уже не пострадает. Не больше, чем вон тот круглый камень.

– Хочешь сказать, его убили? – воскликнул Том.

– Убили? Конечно убили! И наверно, вернулись, чтобы убедиться.

– Как тебя зовут? – спросил Глостер, все больше поражаясь взрослому языку и, пожалуй, более чем взрослым мыслям мальчугана.

– Дэвид Пэрри-младший. Это что-нибудь тебе говорит?

– Кажись, у меня довольно плохая память. Не припоминаю.

– Если бы ты жил в Уругвае или в Чили, Аргентине, Парагвае или даже в Бразилии, тогда бы много слышал о нем... правда, главным образом сплетни!

– Чем он знаменит?

– Скотом. Чем еще там бывают знамениты? Разве еще тем, что умеют делать революции.

– Значит, он богатый скотопромышленник, так, что ли?

– Нет. Не богатый, потому что деньги утекают у него как вода; и не промышленник, потому что он джентльмен.

Том задумался. И решил, что наконец-то встретил выдающийся ум.

Глава 7

«Мне с тобой повезло!»

Потом, улыбаясь про себя над собственными зловещими замечаниями, Том спросил в своей мягкой манере, чем бы он мог помочь мальчугану.

– Ничем не поможешь, – ответил тот. – Поезжай лучше домой. Да и вообще, зачем ты сюда явился?

– Серая привезла.

– Это я и без тебя знаю.

– Может, скажешь, почему я не могу помочь?

– Считай, что я мертвец, – отрезал мальчик. – Она не промахивается больше одного раза, а со мной уже промахнулась больше полудюжины раз. Так долго везти не может. Теперь я не больше чем корм для стервятников.

– Ты сказал «она»? – обратил внимание Том Глостер.

– Да.

– Женщина?

– Да.

– И хочет твоей... смерти?

– Ясно без слов.

– Странное дело, – заметил Том.

– О, там, в Аргентине, в этом не видят ничего странного. Это здесь, в Америке, все странно. Ну ладно, мне надо ехать!

– Одному?

– Знаешь, если поедешь со мной, попадешь в самое пекло. Пока!

Но Том Глостер пустил кобылку рядом с гнедым. Мальчишка бесстрастно продолжал:

– Понятно. Ты хочешь знать, что произошло сегодня вечером. Ну что ж, думаю, имеешь право, даже Капра был бы согласен. Расставшись с тобой, мы поехали лесом. Наверное, Капра думал, что на этот раз мы их опережаем.

– Куда вы ехали?

– Где-то к северу отсюда у моей мачехи есть ранчо. Мы добирались туда от самой Аргентины. Но в сумерках напали на огонь из винтовок, и первой же пулей Капру выбило из седла. Я ехал рядом, так что он успел ухватиться за луку моего седла и вскочить на спину моего коня. Мы ускакали, потом укрылись в камнях. Приказали гнедому лечь. Капра попросил меня поглядывать, пока он перевязывает раны. Я стал наблюдать. Видел, как по опушке двигались какие-то тени, пару раз выстрелил. Но было плохо видно, хотя на небе появились звезды. Тут я услышал, как Джо позвал: «Амиго!» Оборачиваюсь, спрашиваю, что ему надо. Потом подхожу и вижу, что ему больше ничего не надо, сколько бы я ни спрашивал! Он был мертв.

– Мертв? – машинально повторил Том Глостер. – Мертв?

В его смятенном уме всплыл образ Капры – тогда он казался страшным, свирепым, теперь же представлял изнемогающим от усталости преданным слугой, издерганным, беспомощным перед лицом ни на минуту не покидавшей этих двоих опасности.

– Он, наверное, даже был немножко рад, – все тем же крайне неприятным небрежным тоном заметил мальчишка. – Видишь ли, он здорово устал. После наших долгих странствий ему бы надо было хорошенько отдохнуть.

– Ты же ехал наравне с ним, а еще держишься. А вот он свалился.

– Пуля его свалила. Будь он в форме, может быть, вовремя увидел бы вспышку выстрела. Не знаю.

– Ты видел?

– Да. Правда, не успел предупредить. Они боялись Хозе. Разумеется, им нужен был я, но они решили начать с него! Ты спрашиваешь, почему я еще не выдохся? Да потому, что все время борюсь за собственную шкуру, а это легче, чем ишачить на другого.

– Что это? – воскликнул Том.

Мальчишка рывком остановил коня и схватился за лежавшую поперек седла винтовку:

– Ничего... надеюсь! Ты одного из них завалил?

– Да. Думаю, сегодня уже не поедет.

– Тогда и остальные не появятся, – уверенно заявил мальчуган. – Двое на двое. Наемники так не дерутся. Им нужен хороший перевес. – Демонстративно зевнув, он сунул винтовку в чехол и продолжил рассказ: – Я прятался в скалах, пока не взошла луна. А потом они могли взобраться на деревья и увидеть все, что находится между камней. Я приготовился удирать. Дождался, пока не услышал шорох, будто кто-то карабкается на дерево, и выскочил на гнедом как ветер. Ну и мчались же мы, скажу тебе! Они открыли огонь, но опоздали. – Он расхохотался. – Потом повстречался ты и дал им перцу. Молодец! – небрежно похвалил мальчишка.

– Лучше скажи, где дом твоей мачехи, – перебил его Том.

– Что толку? Когда Хозе Капра уже лежал мертвый, один из этих кричал, пытаясь его купить. Дошел до трех тысяч долларов, и я стал благодарить Бога, что Капры нет в живых!

– Ты что, не доверился бы ему как другу?

– За три тысячи долларов нет. В Аргентине при таких деньгах можно стать богатым ранчеро. Но все дело в том, что тот, который кричал, назвал себя, – это был старший ковбой с ранчо моей мачехи.

– Тогда ты мог бы послать с ним сообщение мачехе? – изумленно воскликнул Том.

– Послушай, – грубо возразил мальчишка, – что я могу ей сообщить, когда она наняла его убить меня?

– Твоя мачеха?

– Именно она стоит за всем этим делом. Всегда стояла и будет стоять!

Том Глостер замолк. Мальчишка добавил:

– У нее тоже есть сын. Отсюда все ясно.

– Не понимаю, – озадаченно промолвил Том.

Парнишка раздраженно заерзал в седле:

– Что тут непонятного? Все ясно как день!

– Что ясно?

– Ну-у... – Малыш помолчал. – Ладно, – продолжил, – объясню тебе в двух словах. Постараюсь, чтобы ты понял. Предположим, умирает отец. Я получаю половину его имущества.

– Разумеется.

– Это для тебя разумеется. А она так не считает. Думает о собственном парне. Хочет, чтобы все досталось ему.

– Разве там мало на двоих?

– Нет. Там примерно шестьдесят квадратных миль.

– Я бы сказал, это уйма земли.

– Только не у отца, который сорит деньгами и живет за счет вкладных. Перебиваемся кое-как, только и всего.

– Она тебя выгнала?

– Она сказала, раз мы с отцом американцы, мне надо ехать сюда, на север, и пожить у нее на ранчо. Оно досталось ей от деда. В ней тоже есть капля американской крови, хотя никогда не подумаешь. Имелось в виду, что я еду сюда учиться. Я понял, куда она клонит, и умолял отца не посылать меня. Но он отправил, правда, послал со мной своего лучшего слугу Хозе Капру. Теперь Хозе нет и достать меня им не составит большого труда.

Глостер тяжело вздохнул. Такой оборот дела заставил его задуматься. Ему самому в жизни немало досталось, он был в состоянии понять положение парня.

– Поезжай к шерифу, – посоветовал уверенно.

– Эту дорожку они не упустят. Угостят пулей у самых дверей.

Глостер вздрогнул:

– Выходит, тебя некому защитить?

– Отец какое-то время мог бы. Но мне к нему не вернуться.

– Почему?

– Потому что они следят за кораблями, идущими на юг. А потом, у меня мало денег.

– Продай коня.

– У него побиты ноги. Больше пятидесяти долларов не дадут.

– Но можно много выручить за эту серую. Продай ее.

– Почему я? Это лошадь Капры.

– Но раз он умер, она переходит к тебе.

– Ко мне? Почему? Какие у меня на нее права? – горько бросил паренек.

– Вот что, – после долгого раздумья сказал Том Глостер, – я не вижу ничего, что помешало бы тебе продать кобылу.

Мальчик не ответил. Продолжал ехать, не сводя глаз со спутника. Они вступили в узкий каньон, рядом, переливаясь в лунном свете, журчал ручеек, меж камней тут и там торчали стволы деревьев.

– Ты серьезно? – наконец спросил мальчишка.

– Само собой разумеется.

Дэвид Пэрри вдруг расхохотался, как-то хрипло, совсем не по-детски:

– Не получится! Ни за что не получится! Они схватят меня до того, как я доберусь до дому. Однако положим, мне удастся высадиться на берег...

– Почему бы и нет?

– Да у них глаза повсюду!

– Не могут же они везде иметь своих людей.

– Она что стервятник. Видит там, где никто не видит. Очень скоро будет знать, что я задумал! Однажды ночью мне всадят в спину нож и бросят за борт.

– Теперь послушай меня, – внезапно решился Глостер. – Предположим, я еду с тобой и буду прикрывать тебя со спины.

– Ты со мной?

– Мне больше нечем заняться.

Мальчик, ничего не ответив, ехал в полном молчании целую четверть мили. И вдруг, вскинув руки, воскликнул:

– Ах, какой же я дурак! Мне с тобой так повезло, а я хотел от тебя отделаться! Сеньор, амиго, с тобой я в конце концов доберусь до дому! О, как она заговорит, когда увидит меня? Что тогда скажет моему отцу?

Глава 8

Вот это лошадка... Без дураков!

Ввязавшись неожиданно для себя в такую невиданную по масштабам авантюру, Том Глостер обнаружил, что странный юнец полностью переменился и предстал совсем в ином свете. Еще минуту назад полный циничной озлобленности и отчаяния, юный Дэвид теперь пылал безудержным энтузиазмом. Он принимал все решения о предстоящих действиях, хотя выглядело это так, будто все они исходили от старшего компаньона.

В самом начале, когда они придумали, куда ехать, мальчик спросил:

– С чего начнем?

– Надо хорошенько помозговать, – произнес Том.

– Ведь мы хотим попасть в Аргентину?

– Конечно. Надо ехать туда.

– Поедем по суше, через Мексику, потом Центральную Америку, Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию и дальше на юг? Или отправимся по воде?

– Похоже, по суше будет слишком долго, – согласился Том.

– Значит, ты решаешь, что отправляемся по воде? Тогда придется подаваться или в Новый Орлеан, или в Сан-Франциско.

– Должно быть, так.

– В какой из этих городов? Если подадимся в Новый Орлеан, каждое судно наверняка будет под наблюдением. Она, конечно, рассчитывает, что мы отправимся этим путем.

– Тогда, полагаю, Сан-Франциско.

– Продадим лошадей здесь, пока не сбили им ноги, или сначала проскачем двенадцать – тринадцать сотен миль до Фриско?

– Надо бы продать их здесь.

– Мне кажется, ты во всем прав, – подытожил Дэвид Пэрри. – Я хочу, чтобы ты был за старшего, а мое дело – постараться слушать тебя.

Простак Том, хотя и удивился, не распознав сей притворной почтительности, однако почувствовал себя польщенным таким невиданным возвышением, принял его как должное. Он видел, что разговор с мальчуганом неизменно заканчивается принятием важных решений, но вряд ли догадывался, что все решения принадлежат Дэвиду Пэрри, который с достойной Сократа мудростью внушал их своему старшему товарищу.

Том никогда не ездил дальше окрестностей ближайшего городка, да и там бывал не часто, но точно знал кратчайший путь до ведущей в Сан-Франциско железной дороги. Туда они незамедлительно и отправились. Том был не прочь вздремнуть остаток ночи, но паренек об этом и слушать не хотел. Потерявшие его преследователи наверняка первым делом попытаются лишить его возможности бежать по железной дороге. Но если поторопиться, то еще можно их опередить.

Весь остаток ночи они провели в седле. К предрассветной поре покрыли уже семьдесят миль и оказались вблизи расстилавшегося чуть внизу пристанционного городка. Даже разглядели тянущуюся из утонувшей в тумане пустыни и слегка поднимающуюся в сторону гор узкую серебристую полосу. Вид этой спасительной полосы придал им свежих сил. Долгая езда, да еще испытания предыдущего вечера лишили парнишку последних сил, но он упрямо сжимал зубы, и в ввалившихся глазах по-прежнему светилась решимость. Когда беглецы рысью спустились к городу, солнце только-только всходило.

Это был приятный процветающий городишко с полутора тысячами жителей. Однако Том не имел ни малейшего представления, как найти покупателя на их лошадей. По совету маль-

чика они остановились у фургона со стойкой, торговавшего кофе и сосисками, хозяин которого, видимо, рассчитывал на запоздавших или очень ранних клиентов. Но город уже просыпался, на фоне бледного неба тут и там потянулись дымки печных труб.

Путники заказали у сонного владельца фургона кофе, хлеба и дюжину сосисок. Пока, наполняя фургон паром и дымом, готовились сосиски, завязали с хозяином разговор. Вернее, разговор вел парнишка, а мужчина отвечал.

– Железная дорога – великое дело для города, – начал Дэвид.

– Раньше здесь на перекрестке дорог стояли отель да лавка. Лошади не то что паровик. Далеко не уедешь.

– Не старый ли Уилкинс заработал тут кучу денег, скупив участки под застройку?

– Уилкинс? Ты имеешь в виду старину Трэверса?

– Верно, именно о нем я и слышал. Трэверс!

– Да, говорят, он стоит больше миллиона. А ты, должно быть, слышал о Уильямсе, его кузене.

– Может быть, ты и прав. Он тоже богат?

– Еще какой!

– Выходит, все в руках одного семейства?

– Не скажи! Старый Трэверс и Уильямс обходят друг друга за милую.

– А почему они не ладили?

– Ну, Трэверс тот скряга, каких свет не видал. А Уильямс любит пустить пыль в глаза, живет на широкую ногу.

– Да, есть из-за чего не поладить! Это, наверно, дом Уильямса, что мы проезжали... тот, что с тополями вдоль забора?

– Нет, не тот. У Уильямса дом по ту сторону путей. Как только пройдешь станцию, сразу узнаешь – он с двумя деревянными башенками.

Мальчишка перевел разговор. Когда они наелись и напились, он расплатился. В заключение мимоходом выяснил, что первый поезд в западном направлении будет скоро, меньше чем через час.

– Я все думаю, – сказал Том, – как нам продать кобылу? Может, вывесить объявление и встать где-нибудь рядом?

– Вот еще! Ты же слышал, как пройти к дому Уильямса. Может, попытаемся там?

– Можно попробовать.

Они миновали станцию и в свете ослепительно яркого утреннего солнца увидели в глубине сада бросающийся в глаза своей вычурностью дом. Через железные ворота по покрытой гравием подъездной дорожке подошли к нему. Открывший дверь негр сообщил, что мистер Уильямс еще не вставал и не появится до семи часов.

– Какая неудача! – вздохнул Дэвид. – Нам нужно ехать следующим поездом. Хотели дать ему возможность взглянуть на серую кобылку.

– Какую еще серую кобылу?

– Да ту, что собирается купить мистер Трэверс.

Негр покосился в сторону серой, которая даже после долгой езды, гордо подняв голову, оглядывала незнакомое место. Разглядев наконец ее великолепную статью, слуга удалился, но вскоре вернулся и сообщил, что мистер Уильямс уже встал, видел лошадь из окна спальни и хотел бы знать цену.

Том Глостер почесал в затылке.

– Мистер Трэверс предлагал за нее тысячу четыреста, – выпалил мальчуган. – Возможно, мистер Уильямс захотел бы предложить нам побольше?

– Тысячу четыреста! – Негр благоговейно попятился в дверь.

– Разве мистер Трэверс давал за нее когда-нибудь такую цену? – спросил простак Том. – Тогда почему мы не пошли к нему?

Мальчишка серьезно посмотрел на приятеля. Потом вздохнул:

– Мы хотим продать добрую лошадь хорошему человеку, понял?

– Само собой, но...

Со ступеней раздался зычный голос:

– Какого дьявола порете чепуху? Старый Трэверс никогда не давал столько за двух лошадей, не говоря уж об одной!

– Спускайтесь сюда, сэр, поглядите сами и тогда убедитесь, почему он готов столько заплатить.

– Чтобы он?... Черт побери... дурость какая-то и ложь! – Мистер Уильямс стал спускаться по ступенькам. Огромный, светловолосый, краснолицый. Жирная шея изрезана глубокими складками. Усы до того пламенные у корней, что казалось, обжигают кожу. – Тысяча четыреста? И старина Трэверс?

Юный Дэвид Пэрри приподнял перед ним шляпу:

– Хотел посмеяться над вами. Конечно, только ради этого.

– Старый скряга! Посмеяться надо мной? – Уильямс вдруг запрокинул голову и расхохотался. – Видно, надоело глотать пыль всякий раз, когда я его обгоняю, а? Хочет гордо проплыть мимо меня, так, что ли?

На Уильямсе были пальто, брюки и домашние туфли. Шлепая ногами, он спустился вниз и остановился, одобрительно разглядывая лошадь.

– Стойка что надо, – заметил с удовлетворением.

– Всю ночь скакала, сэр.

– Что?

– За ночь мы покрыли семьдесят миль. Хотели поспеть к этому поезду.

– Ваше счастье, что не покалечили. Она еще молодая для такой езды. Слишком, черт возьми, молодая! – оттянув губу кобылки и разглядывая зубы, добавил он.

– Поставьте против нее своего лучшего скакуна, сэр! – предложил Дэвид Пэрри.

– Вот еще! – воскликнул Уильямс. – Я и так вижу. Да мой гнедой жеребчик сделает ее как миленькую!

– Она к вашим услугам, сэр.

– Тысяча четыреста! Бред! Как насчет родословной?

– От Мафусаила, – с готовностью выпалил Том.

Богач неопределенно хмыкнул:

– Где на нее бумаги?

– Будут позже. Мы проследим, – заверил Дэвид.

– Даю восемьсот наличными, – заявил мистер Уильямс.

Том Глостер ошеломленно заморгал. Он сроду не слышал о такой цене за лошадь.

– Попробуйте, – предложил Дэвид Пэрри.

– И попробую!

Уильямс вскочил в седло, развернул серую и пустил ее прямо на привязь высотой не меньше четырех футов. Кобылка, хотя и уставшая, птицей перемахнула через препятствие.

– Вот это да! – воскликнул мистер Уильямс. – Лошадка что надо... без дураков!

Глава 9

Не на той стороне

Пять долларов, полученные от покойного Капры, были самыми большими деньгами, которые Том Глостер когда-либо держал в руках. А здесь за десять минут получил десять сотенных банкнот казначейства Соединенных Штатов и пять сотен увесистым золотом. Мистер Уильямс злорадно произнес:

– Пускай годок-другой посидит в печенках у этого проходимца, старого скупердя. Никогда бы не подумал, чтобы он положил глаз на такую лошадь!

Распрощавшись с богачом, приятели удалились. Том, задержавшись на миг, погладил серую по лбу. По пути избавились от седел и коня, на котором ехал мальчишка. Таким образом, на руках у них оказалось, по мнению Тома, несметное богатство, даже мальчишка был чуть опьянен успехом. Стоимость билетов до Сан-Франциско при таком состоянии была сущим пустяком.

Тома Глостера стал одолевает страх. Ему все больше казалось, что мальчишка надул Уильямса. Поэтому, когда вышли на платформу, все-таки мрачно спросил:

– Трэверс на самом деле предлагал за кобылу тысячу четыреста долларов?

Мальчишка быстро обернулся и, странно прищурившись, поглядел на своего великовозрастного приятеля:

– А как ты думаешь?

– Вообще-то я думаю, что ты никогда здесь не был и до разговора с хозяином фургона ничего не слышал о Трэверсе.

Мальчишка, закрыв лицо ладонями, закашлялся:

– Ты так думаешь?

– Ага.

– Знаешь, – ухмыльнулся Дэвид, – дело в том, что Трэверс уже давно пытается заполучить эту лошадь.

– Правда?

– Конечно.

– А откуда тебе это известно? Ты же ничего не знал о ней, покуда случайно не увидел у Райли.

Дэвид с видом превосходства рассмеялся:

– Это ты так считаешь! Тогда почему Капра был готов заплатить за нее такую большую цену? Он, разумеется, знал, какая он резвая, вот только не знал, до чего она выносливая!

Тому стоило большого труда не доверять кому-либо, а особенно тому, с кем он уже побывал в переплете. Поэтому не стал дальше распространяться, хотя многие подробности не совсем вписывались в повествование Дэвида. Просто почувствовал, что лучше не докапываться до конца, осознавая ограниченность своих умственных способностей.

К станции, замедляя скорость, подходил поезд. Задрожали, засверкали стальные рельсы.

Мимо проплыла чудовищная машина и, тяжело пыхтя, остановилась. Глостер растерянно оглянулся на темнеющие по склонам гор сосны и бледно-голубое небо над головой. При воспоминании о доме кольнуло в сердце. Войдя в вагон, он побрел следом за парнишкой, отыскавшим два места в самом конце.

Перед глазами протянулись два ряда голов и плеч. Тома поразили размеры вагона, показавшиеся ему огромным домом. Ведь он еще никогда не бывал в поезде. Поэтому в благоговейном страхе долго молчал, пока его спутник не обратил внимание, что им здорово повезло с местами, откуда можно было видеть всех, не поворачивая головы.

– А какая от этого польза? – поинтересовался Том.

– Какая? Думаешь, все неприятности позади? Ничего подобного! За нами гонятся.

– Как можно догнать поезд? – озадаченно полюбопытствовал Том, показывая на окно, за которым проносился пейзаж, а вдали уплывала назад аккуратная цепочка холмов.

– Глянь-ка на мелькающие столбы! Телеграф с легкостью нас обгонит, вернее всего, так оно и будет.

– Ничего не понимаю, – признался Том.

– Подумай как следует. Предположим, нас проследили до города и видели, как мы уехали. Разве трудно людям моей мачехи телеграфировать другим ее приятелям где-то впереди, чтобы те сели в наш в поезд?

– Но не могут же у нее быть приятели повсюду!

– Как ни странно, у богачей они везде.

Том снова замолчал. Он чувствовал себя беспомощным перед всеведущим умом этого мальчугана. Кроме того, его занимали и другие вещи – широкий изгиб поезда на поворотах, замедленный жалобный перестук колес на подъемах и стремительный бег на прямых отрезках. Потом они, стараясь удержаться на ногах, отправились в вагон-ресторан, и там Том оказался за роскошным столом, какого не видел в жизни. К еде было страшно притронуться, а черный официант, наклонившись к нему, с шутливой улыбкой советовал, что следует заказать.

Еще до конца обеда возникло неожиданное развлечение – все пассажиры столпились у окон, наблюдая за отчаянным или безрассудным наездником, скачущим по извилистой горной тропе.

Поезд в это время тяжело преодолевал длинный крутой подъем, поэтому, несмотря на многочисленные извилины пути, мчащемуся всаднику удавалось скакать вровень с ним, постепенно приближаясь к железной дороге.

– Дурачится! – заметил кто-то.

Но Дэвид тихо сказал Тому:

– Этот малый хочет сесть в поезд! Смотри!

Такое замечание сделало зрелище еще более интересным. Они увидели, как ковбой, сойдя с тропы и поднимая тучи щебня и пыли, пустил коня под гору, прямо к рельсам. Конь мчался все быстрее. Было заметно, что всадник не управляет им, скакун стал заносить зад и в конце концов заскользил вниз всем корпусом. Миновав торчащий выступ с одной стороны и огромный валун с другой, он с нарастающей скоростью летел на растущее почти у подножия низкорослое деревце с разбросанными в стороны ветвями.

– Ударится или проскочит? – затаив дыхание, прошептал Том.

В следующий момент конь с седоком врезались в дерево. Конь, видимо замертво, упал по одну сторону, а всадник отлетел в другую и камнем покатился по склону, пока его не швырнуло на росший у самых рельсов, совсем рядом с проходящим поездом, густой кустарник. Мгновение он беспомощно висел на кустах. Кто-то из сгрудившихся у окон вагона-ресторана пассажиров крикнул, чтобы остановили поезд, но отчаянный наездник опередил всех. С лицом, залитым кровью, он выкарабкался из кустарника и, оставив коня и седло, упрямо заковылял к поезду. Том видел, как этот человек пропустил несколько вагонов, но когда с ним поравнялся вагон-ресторан, согнулся для прыжка, побежал по ходу поезда, чтобы смягчить толчок. Потом пропал из поля зрения.

Все бросились в конец поезда, но Дэвид дернул Тома за рукав.

– Давай лучше доедим, – предложил он. – Все равно в такой толпе ничего не увидим.

Глостеру еда не лезла в горло. А что, если парень промахнулся и попал под колеса? Или, ударившись о поезд, сильно расшибся? Теперь поезд шел довольно быстро, с каждой секундой набирая скорость.

– Чем мы ему поможем? – как всегда невозмутимо высказался мальчуган. – Он устроил нам хорошее представление, и на том спасибо. Но помочь мы ему ничем не можем, мы же не врачи!

– Зачем ему понадобилось садиться в поезд? – размышлял вслух Том. – Да еще так, что бросил коня, седло и все свои пожитки?

– Предположим, хочет уйти от закона.

– Я об этом не подумал, – признался Том. – Ты во всем видишь другую сторону, Дэвид.

– В Аргентине пришлось научиться и этому, иначе в один прекрасный день схлопочешь нож меж ребер.

Возвращаясь на свои места, они убедились, что весь поезд оживленно обсуждает дерзкий прыжок молодого ковбоя. Говорили, что пострадал он не сильно, а в поезде нашелся врач, который в настоящее время промывает и перевязывает не очень серьезную рану на его голове. Пассажиры уже даже знали причину этого безрассудного поступка. Оказывается, парень торопится в Сан-Франциско на собственную свадьбу.

– Не глупо ли так болтать? – обратился к спутнику Дэвид. – Взять и сразу все о себе выложить?

– Какой от этого вред? – возразил Том. – Положим, он не сделал ничего плохого, то что здесь такого?

– Если ты станешь рассказывать обо всем, что знаешь, – холодно произнес мальчишка, – нам обоим из-за тебя будет крышка!

Тут они увидели проходившего по вагону пострадавшего ковбоя. Проход и впереди и позади него был забит довольными зеваками, весело улыбающимися, словно им неожиданно привалило счастье.

Отчаянный ковбой прошел было вперед, но потом вернулся и, поглядывая по сторонам, двинулся назад, пока не остановился у сиденья через проход от Тома с Дэвидом. Постоял, повернулся и, громко зевнув, уселся на свободное место.

Было видно, что он очень устал физически, но внутренне напряжен. В возбужденно блестящих глазах чувствовалась настороженность. Этот ковбой стал такой популярной личностью, что каждый проходивший мимо считал должным кивнуть ему и улыбнуться. Многие, несомненно, с удовольствием остановились бы поболтать, но в обходительной манере отчаянного наездника чувствовалась известная сдержанность, заставлявшая людей не лезть к нему с разговорами.

– Я думал, он болтливый дурак, – наконец произнес мальчишка. – Выходит, ошибся! Не хотел бы иметь этого парня не на своей стороне!

Глава 10

Может понадобится два револьвера

Их до того заинтересовал незнакомец, что они почти не отрывали от него глаз, а он, словно ему надоело внимание публики, удобно свернулся на сиденье и крепко уснул.

– Что там выпирает у него под левой рукой, Том?

– Это револьвер.

– Что, их так здесь носят?

– Кто хочет побыстрее выхватить, носит под мышкой. Надевают очень просторную куртку. Рука действует как молния, а самое главное – револьвер моментально оказывается на уровне плеча и глаз.

– Никогда не слышал. Почему же тогда не все так носят?

– Потому что пружинные кобуры трудно подогнать и потому что они очень неудобны. Представь, что при каждом шаге тебе о ребра трется пара револьверов.

– При чем здесь удобства? – возразил мальчишка. – Безопасность – вот что важно! – И добавил: – Тогда этот малый из тех, кто дерется.

– Это было видно по тому, как он скакал по склону, – заметил Глостер.

– Верно. И хочу сказать, он мастер своего дела.

– Не уверен, – задумчиво протянул Том. – Бывает, отлично вооруженные люди не всегда дерутся лучше всех!

Мальчишка, бегло взглянув на него, перестал задавать вопросы. Обычно высказывания Тома бывали до смешного наивными, но порой парень говорил вещи, которые были выше понимания Дэвида Пэрри. Он постоянно был в неведении, что предстоит ему в следующий момент: то ли презрительно ухмыльнуться, то ли вздрогнуть в почтительном страхе.

Попавший на поезд таким необычным путем наездник очнулся от сна и неожиданно выпрямился, будто стряхивая с себя усталость. Это был типичный степной ковбой, сухощавый, легкий, но крепко сколоченный, с ловкими руками, развитыми плечами и узкой талией. Грубое, изрезанное морщинами лицо с крупными чертами, обезоруживающая кривая ухмылка никак не позволяли отнести его к разряду внешне симпатичных людей.

– И такой красавец рисковал сломать шею ради того, чтобы добраться до возлюбленной красотки! – зашептал с сарказмом мальчуган на ухо Тому. – Да какая женщина на него посмотрит?! Думаешь, он темнит?

– Не могу сказать, – ответил Том. – Не слышал от него ни слова.

Незнакомец сидел через проход от них и время от времени смотрел в их окно, но ни разу не встретился с ними взглядом, не проявил и желания заговорить с соседями.

В этот день, пока поезд громышал сквозь горы, Том много чего узнал о семейных делах Пэрри.

Старший Дэвид Пэрри был жестким, властным, волевым человеком, не успокаивающимся до тех пор, пока не добивался своего. Он отмахивался от советов и советчиков и мог под влиянием минуты, не раздумывая, исполнить любой свой каприз. Приехав в Аргентину, отец мальчугана поначалу вложил свой небольшой капитал в земледелие, но за три-четыре года саранча сожрала весь, до последней былинки, урожай. Память об этом ужасе осталась на всю жизнь, и он стал избегать земледелия как огня. Но у него не осталось ничего, кроме долгов. Правда, к тому времени он узнал страну, чем она живет, и помаленьку занялся скотоводством. Как ни странно, размеры долга открывали ему возможности для кредита. Когда ты должен тысячи, всегда можно подзанять несколько сотен. Поэтому Пэрри смог купить коров, прикупить дешевой, но хорошей земли. Наконец, настал момент, когда его капитал сравнялся

с долгами, а затем и превысил их. Но он допустил большую ошибку – не выплатил долги, когда появилась такая возможность. Вместо этого предпочел тратить доходы на предметы роскоши для себя и семьи, прикупать новые земли и скот. Таким образом, основательное бремя обязательств стало необратимым, как, скажем, государственный долг. Проценты, которые он платил, были грабительскими по одной простой причине: кредиторы сомневались в возврате капитала, поэтому их непомерно увеличивали. Все полагали, что в конце концов Пэрри совершит какую-нибудь глупость и окончательно разорится.

Опасаясь такого бедствия, его вторая жена постоянно плела интриги, чтобы заполучить хотя бы часть земли в свои руки, но муженек не поддавался. Словом, все находилось в полной неопределенности. В то же время те, кто был знаком с состоянием дел в хозяйстве, единодушно утверждали, что, если бы Пэрри применил новые методы, внедрил люцерну и занялся орошением, его доходы возросли бы по меньшей мере втрое. Однако он на это не шел – пастбища его устраивали, а пашню скотовод считал проклятием. «Небеса невзлюбили землепашца еще со времен Каина», – любил он повторять.

Все это Том узнал из разговоров с мальчуганом, который свободно рассуждал о преимуществах земледелия и скотоводства, об ипотеках и процентных ставках. Парнишка вырос среди этих разговоров, особенно о лошадях, которые были всепоглощающей страстью его отца.

Путешественники обрадовались, когда настало время ужина и можно было снова прогуляться в вагон-ресторан. Там им повезло еще больше – за их столиком оказалось два свободных места, одно из них занял тот самый ковбой. Казалось, их присутствие было ему совершенно безразлично, разговор завязался лишь посреди трапезы и лишь значительно позже стал более непринужденным. Звали его Кристофер Блэк, занимался он тем, что пас конские табуны и объезжал диких мустангов. При малейшей перемене погоды у него ныла каждая косточка – так много он падал и разбивался.

Кристофер много говорил о себе и своей работе, а вопросов задавал мало. Лишь отметив необычный наряд мальчика, предположил, что тот, видно, иноземец, на что Дэвид только молча кивнул и постарался побыстрее перевести разговор на недавнюю гонку за поездом.

– Пегий спустился бы запросто, – заверил Крис Блэк. – Этот молодчина проделывал штуки и потруднее. Но шум и дым сбили его с толку, ударили в голову. С лошадьми такое часто бывает. Они прекрасно держатся в естественном окружении, однако пусти их в незнакомую обстановку – теряются. Я видел одного джентльмена, который невозмутимо продолжал сдавать карты за зеленым сукном, когда лагерь, где он играл, летел ко всем чертям!

Едва закончился ужин, как поезд сделал получасовую остановку. Том и Дэвид отправились прогуляться по городу. Такого большого города Глостер еще не видел. Он шагал разинув рот, глаза на длинные ряды фонарей и казавшиеся ему громадинами здания, пока спутник, как всегда бесцеремонно, не одернул его:

– Если не опустишь голову, можешь ее потерять.

– Что ты хочешь сказать?

– Или очистят карманы, или что-нибудь похуже. Хочу сказать, чтобы ты поглядывал вокруг себя, Том! В этом мире не все люди братья.

Глостер удивленно огляделся, но не увидел ничего подтверждающего столь странное предупреждение. В этот момент они проходили по заполненной людьми узкой улице неподалеку от вокзала. Здесь было мало фонарей, пешеходы спешили в обоих направлениях, так что, вероятно, из-за толчеи какой-то малый, обгоняя Тома, сильно задел его плечом. Он вежливо шагнул в сторону, но тут кто-то налетел на него сзади. Это уже было слишком, даже для его беспредельного терпения. И тут рядом с ним раздался заглушаемый громкими голосами прохожих слабый сдавленный крик.

Обернувшись, Том увидел, что его спутник исчез... Уж не его ли увлекли вон те два типа, старающиеся быстро затеряться в толпе?

Он ринулся вперед и, наткнувшись на подставленную ногу, рухнул лицом вниз. Кого попроще такое падение оглушило бы, но Глостер был скроен из крепких костей и упругих мышц. Легко вскочив на ноги, он нырком уклонился от тяжелого кулака. Другой нападавший подступал сбоку. Том разозлился, но не растерялся. Ему трудно давались размышления, но здесь все было ясно и просто – схватив первого за горло, двинул второго локтем в голову.

Перешагнув через лежащих, он побежал мимо слегка отпрянувших людей. Ротозеи только собирались насладиться зрелищем, как оно чудом завершилось. Глостер прошел сквозь сборище, будто рассекающий воду форштевень корабля.

Тех двоих, которые, как он представлял, тащили Дэвида, нигде не было видно. Том бросился вперед, но тут краем глаза увидел, как в темном проходе открылась дверь и туда торопятся протиснуться несколько фигур. Чтобы узнать, что за свалка там образовалась, много времени не требовалось. Хуже – не посмотреть, потом уже ничего не увидишь. Подумав так, он ринулся к ней.

– Здесь тот малый, – раздался злой голос, – двинь ему по башке, Джо!

Джо, замахиваясь револьвером, обернулся, но в тот же момент ему на голову обрушился голый кулак Глостера. Бандит отлетел к двери, сбивая с ног остальных.

Из этой кучи изрыгающих проклятия, беспомощно барахтающихся людей показалась маленькая фигурка, и тонкий голосок попросил:

– Вытащи меня, Том!

И Дэвид Пэрри проскочил мимо него на улицу.

Том поспешил следом, они зашагали рядом. Не разговаривая, вернулись на вокзал, вышли на платформу, где было посветлее и побольше народу.

Побледневший парнишка был до смерти напуган. Но тут все же сказал:

– Теперь видишь, они меня догнали. Выследили и тебя и меня! Ой, Том, я думал, мне конец! Взяли за горло. Успел только крикнуть, потом вижу, ты шагнул ко мне и упал! А что было с тобой?

– На меня набросились двое. Я отмахнулся и поспешил за тобой.

– Каким образом отмахнулся?

– Одного придушил, другому двинул локтем.

Дэвид поднял на Тома полные восторга глаза, на лице паренька снова вспыхнул румянец.

– Тот, которого ты приложил в дверях, еще долго не будет ходить. Я слышал, твой кулак хрястнул словно дубинка, а когда он повалился на меня, тело было как тюфяк. Откуда в тебе такая сила, Том? Ты прямо Геркулес!

– Я? – переспросил парень, разглядывая растопыренные пальцы. – Да нет!

– Потом я видел, как ты прошел сквозь толпу, рассекая ее грудью! Смотреть было одно удовольствие! Но теперь нам будет еще труднее.

– Не понимаю. В следующий раз, Дэвид, постараемся увернуться, будем внимательнее. Теперь, как ты советуешь, я не буду задирать голову.

Мальчуган вздохнул:

– Они попробовали отделаться от тебя попроще и понадежнее. В этой стране не любят убивать, и они по возможности не хотели этого, но теперь уж не станут раздумывать. Ох, Том, когда в следующий раз будут добираться до меня, начнут с тебя и пустят в дело нож, а то и револьвер! Теперь они узнали, чего ты стоишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.